

В. И. Фокин

Кризис общественно-политической мысли в Европе в преддверии Второй мировой войны

Вовлечение общественности в международное сотрудничество в политической, культурной и гуманитарной сферах значительно возросло в 20-е гг. XX в. В основе процесса лежали потребности общественно-политической практики, возникшие в результате перестройки системы международных отношений после Первой мировой войны. Процесс радикальной перестройки традиционных социальных отношений неизбежно вел к развалу системы «старых» гуманистических ценностей, к дегуманизации общества и деперсонализации культуры.

К концу XIX в. человек, освободившийся от сословных и цеховых ограничений, раскрепостил свою предприимчивость и добился выдающихся успехов в сфере экономики и техники. Стойко держалась вера во всемогущество прогресса, который, казалось, чуть ли не автоматически решит все проблемы цивилизации. Уверенность покоилась на убеждении, что со всем «иррациональным» в истории уже покончено, что развитие прогнозируемо, а результат его может быть в главном предопределен заранее. Рост материального производства, квалификации работающих обеспечивали улучшение условий труда и повышение благосостояния общества. Это создавало больше возможностей для согласования интересов различных социальных слоев. На этом покоилась относительная стабильность пусть и ограниченных, во многом формальных демократических систем. Относительная территориальная узость «цивилизованного мира» не внушала опасений, рассматривалась как достаточная предпосылка для расширения его культуры по всему миру. Экономическая и военная мощь

метрополий служила гарантией стабильности прогресса. Имперское мышление являлось основой геополитической доктрины, определявшей внешнеполитические приоритеты государств. Во имя веры в «цивилизаторскую миссию белого человека» закрывались глаза на жестокости, творимые в колониях, а ее жертвы считались неизбежной платой за прогресс.

Моральные и политические принципы европейского либерализма рухнули в траншеи Первой мировой войны. Эта война потрясла до основания здание европейской цивилизации, которое возводилось веками. Кризис, зревший на протяжении нескольких десятилетий, стал очевидным для большинства. Современникам он представлялся настолько глубоким и системным, что охватывал все основы общества, которые считались незыблемыми на протяжении нескольких веков. Т. Манн в статье «Гёте и Толстой. Фрагмент к проблеме гуманизма» писал в годы войны: «Мы... присутствуем при конце эпохи, эпохи буржуазно-гуманистической и либеральной, которая родилась в эпоху Возрождения, достигла расцвета в период Французской революции, и сейчас мы присутствуем при ее последних судорогах и агонии»¹. Характеру времени соответствовало и кризисное состояние сознания.

Действительность и духовные основы общества были подвергнуты глубокому, иногда беспощадному анализу и переосмыслению, была организована широкая дискуссия, в которую была вовлечена фактически вся интеллектуальная элита человечества. В ее ходе были очерчены проблемы, требующие разрешения, сформулирован комплекс идей, концепций, теорий, доктрин, предлагавших пути преодоления катастрофических последствий войны. Глубина кризиса вновь актуализировала необходимость обращения к смыслу человеческого бытия и его духовному содержанию, к мирозданию и закономерностям его развития. В центре дискутируемых тем оказалась проблема гуманизма. Потребность в выработке общего взгляда на мир, синтезирующего различные фрагменты современной культуры и реальный социальный опыт людей, обусловили повышение интереса к философской проблематике. Появляются интеллектуальные кумиры, влияющие не только на сознание людей, но и на реальные общественные движения. Международное интеллектуальное сотрудничество стало квинтэссенцией симбиоза творческой и общественной деятельности. Духовная ситуация того времени в значительной степени определялась критическим отношением широких слоев общественности к основам буржуазного общества. Еще в годы мировой войны для значительной части интеллектуалов стало очевидным, что общество зашло в тупик, и начались процессы его саморазрушения, включающие человеческие жертвы.

В художественном творчестве осознание тупика общественного развития выражалось в констатации нарастания антигуманистических тенденций, в обезличивании общественных институтов. Ранее многих и с философской глубиной отразил это «состояние мира и души» Ф. Кафка в своей новелле «Превращение»

¹ Манн Т. Собрание сочинений: В 10-ти т. М.: 1960. Т. 9. С. 598.

(1912 г.): «Конвейер жизни несет человека куда-то — неизвестно куда. Человек превращается в вещь, в предмет, перестает быть живым существом...»². Отчуждение человека от общества и самого себя представлялось такой «пыткой духа», при которой радикальное преобразование общества казалось естественным выходом из положения. В 1917 г. во Франции огромную популярность приобрел роман А. Барбюса «Огонь», ярко показавший деградацию общества в условиях войны, написанный с антивоенных позиций. По инициативе писателя возникает объединение интеллигенции «Кларте» (Ясность). Оно выступало за революционный выход из войны и за преобразование французского общества на социалистических началах³. Сторонники радикального преобразования общества в интеллектуальной среде объединились в скандинавских странах, на Британских островах ...аналогичную позицию занимали члены фабианского общества в Великобритании. В 1919 г. «Кларте» стало международной организацией.

Доверие к историческому прогрессу, уверенность в гуманистической линии развития истории были подвергнуты сомнению. Мировая война подточила веру в прогресс не столько своими жертвами (ибо неизбежность исторической жертвы во имя прогресса признавалась), сколько очевидной бессмысленностью этих жертв. Установился беззаботно-циничный стиль жизни, утвердилось не оглядывающаяся назад деловитость. В это время появляются художественные произведения А. де Монтерлана, Ф. Барреса-младшего, Э. Юнгера, Э. Двингера, Г. Гримма, Ф. Гризе, в которых воспевалась война как «школа мужества», духовного и физического обновления нации.

Ощущение, что в истории действует сила, соединяющая в себе бессмысленную жестокость и цинично-расчетливую деловую энергию, было выразительно показано О. Шпенглером в книге «Закат Европы»⁴. Человеческое общество представлялось автору совокупностью параллельно существующих изолированных цивилизаций, которые в корне различны и непостижимы друг для друга. Развитие представлялось как последовательная смена стадий «цивилизации» и «варварства». В шпенглеровской концепции истории широко используются биологические аналогии, которые переносятся на историческую реальность. В силу этого обстоятельства процесс развития человеческого общества приобретает фаталистический характер.

Такая концепция была созвучна послевоенной деморализации значительных слоев населения. Ситуация усугублялась социальной катастрофой, разразившейся под влиянием мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Уже в начале 30-х гг. многие представители либеральной интеллигенции обращают внимание на патологические изменения массового сознания. Потеряв устойчивые внутренние убеждения, социальную опору в обществе, люди становились легкой добычей различных пропагандистских стереотипов, демагогических

² *Кафка Ф.* Превращение // Иностранная литература. 1983. № 5. С. 180.

³ *Domaget M.* Histoire du Premier mai. Paris, 1953. P. 259.

⁴ *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München, 1923.

обещаний и политических авантюристов. Никому из интеллектуалов не удалось предложить отчаявшимся людям (вне рамок революции или войны) такую перспективу, которая могла бы их увлечь. Наиболее радикальные последователи Шпенглера рассматривали окружающий мир как лишенный гуманистического смысла, где человек изначально не представляет собой ничего духовного, ему присущи только физиологические функции и некие психологические стереотипы. В этом мире ставились под сомнение нравственные ценности: совесть объявлялась химерой, дух — ложью, а сила — проявлением человеческой воли. Огромный пласт культуры, формирующий человека как личность, объявлялся утратившим значение. Между тем и в этой среде не могли не понимать, что подобный мир чреват саморазрушением. Для преодоления возникавшего хаоса общественного сознания необходимым считалось обратиться к национальной традиции и национальному духу как системообразующим факторам. Человек объявлялся носителем национальной идеи, соединенной со способностью к твердому проявлению воли. Борьба за выживание нации во враждебном ей мире становилась самоцелью. Задача ее реализации приобретала привычные рационалистические формы, отводя человеку роль средства достижения цели. Попытка сформировать систему духовных ценностей, основанных на приоритете национальной идеи, вылилась в доктрину итальянского фашизма, объявившую государство основой национального единства, универсальным регулятором политических, экономических, социальных и духовных отношений в обществе. Таким образом, общество, сохраняя свою структуру, могло обеспечить стабильное развитие путем подчинения личности интересам нации. Государство в этих условиях приобретало всеобщий (тоталитарный) характер. Так в недрах западной цивилизации зародилась система ценностей, получившая образное название «чумы XX века».

Но мир в целом от этого не становился устойчивее. Более того, столкновение национальных интересов вело к конфликтам, приобретавшим, как показала история, масштабы грандиозных военных столкновений, которые в свою очередь приводили к неизбежной дегуманизации общества. К тому же сама национальная идея, приобретая в деятельности государственного аппарата самодовлеющее значение, лишила человека права на свободу реализации собственного выбора в рамках ответственности его перед обществом.

Либеральный вариант предотвращения войны был вдохновлен планом американского президента В. Вильсона строительства нового мирового порядка, предусматривавшим создание системы международных отношений, которая позволила бы предотвратить новую мировую войну. Важнейшей частью плана было создание международной организации по поддержанию всеобщего мира и международной безопасности — Лиги Наций. На второй сессии Ассамблеи была принята резолюция, предусматривавшая создание комитета с целью стимулирования роста обмена между нациями в области научной информации и методов обучения. Опираясь на нее, Совет Лиги

решил создать Комиссию международной интеллектуальной кооперации (КМИК)⁵.

Международное сотрудничество в межвоенный период сыграло положительную роль. КМИК основное внимание уделила выработке универсальной концепции предотвращения войн. В центре дискуссий, организованных комиссией, были причины, порождающие войны, и меры по предотвращению их возникновения. Первые публичные обсуждения состоялись во Франкфурте-на-Майне в 1932 г., где представители мировой науки и искусства собрались по случаю 100-летия со дня смерти Гёте. Затем дискуссии по фундаментальным вопросам международных отношений и развития мировой культуры состоялись в Париже, Мадриде и Венеции (1933). Материалы дискуссий были опубликованы в двух сборниках: «Общество разума» и «Почему война?»⁶. В результате этих усилий была сформулирована концепция пацификации мира, которая во многом определила представления о характере международных отношений и способах предотвращения войны, о мировом развитии в целом предвоенного поколения европейцев, которая сохраняет актуальное значение в ряде своих теоретических положений сегодня. В основу выработанной концепции легли воззрения З. Фрейда. Они исходили из того, что причины войн коренятся в природе человека, в присущем ему «военном инстинкте» и инстинкте воспроизводства рода. По мнению авторов концепции, врожденные инстинкты воспроизводятся и в социальной организации общества.

Его характеристике посвящено учение А. Бергсона о «закрытом обществе». Биологические причины войны, по мнению авторов концепции пацифизма, проявляются в практике международных отношений в необузданном народном национализме, воплощенном в государственном суверенитете (он является массовым фактором появления причин войны). Индивидуальный фактор — это ошибки государственных деятелей, испытывающих мощное воздействие националистически настроенной толпы. Отсюда следовал вывод о том, что система национальных государств является главной причиной конфликтов в военной области, что мирное сосуществование народов невозможно при системе суверенных государств. Поэтому популярной становится доктрина мондиализма, которая, как указывал Б. Рассел, предусматривала добровольное объединение народов в мировую федерацию. Ее должно было возглавлять правительство, состоящее из представителей интеллектуальной элиты. Однако реализовать эту идею в политическом плане было невозможно из-за противоречий между государствами. В Лиге Наций многие участники видели прообраз будущего мирового государства⁷. Важнейшей частью практической работы по консолидации

⁵ La Cooperation Internationale. Lection et Information. Genève, 1937. P. 9.

⁶ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale. 1934. N 36. P. 673.

⁷ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale. 1931. N 2. P. 53; N 3. P. 104–105; N 34–35. P. 658–659; N 42. P. 322; N 47–48. P. 534.

общества и предотвращению войны являлось духовное примирение народов, которое могло быть достигнуто в результате «морального разоружения». Концепция «морального разоружения» подразумевала само интеллектуальное сотрудничество, направленное на выработку универсального общественного сознания, на формирование мирового общественного мнения в пацифистском духе, в духе взаимопонимания и сотрудничества народов, на воспитание в молодом поколении антимилитаристского сознания. Игнорируя социально-экономические аспекты формирования сознания, сторонники морального разоружения абсолютизировали мысль В. Вильсона, высказанную еще в 1914 г., о том, что в XX в. в политике возникли новые силы, называемые моральными требованиями человеческой совести.

В основе пацификации лежало наивное представление о том, что усилия интеллектуальных и высоконравственных людей смогут убедить народы, якобы жаждущие истреблять друг друга, сойти с тропы войны. Тем не менее, движение пацифистов вызывает симпатию, как и их благородное намерение предотвратить войны, показать обществу те сопутствующие факторы, которые вытекают из объективных условий, вызывающих острые конфликты в обществе, обратиться к разуму и совести человека в деле сохранения мира на планете.

В объединении интеллигенции вокруг Лиги Наций Р. Роллан, А. Эйнштейн, Э. Эррио и другие видели возможность сформировать «интернациональный дух», обеспечивающий умиротворение народов. В основу будущего духовного единства мира закладывалась гуманистическая мораль, содействующая политической консолидации общества, и научная объективность, свободная от политических пристрастий (или то, что понималось под этим. — В.Ф.). Важнейшей частью практической работы интеллектуальные силы считали «моральное разоружение», под которым понималось само интеллектуальное сотрудничество, направленное на организацию систематических отношений между государствами в сфере обмена интеллектуальной информацией по проблемам международных отношений, на формирование общественного мнения в духе пацифизма, на воспитание молодежи в духе взаимопонимания и дружбы между народами. При этом подразумевалось, что собственно разоружение в военной области не является предметом сотрудничества, а будет естественным следствием морального разоружения. Парижский институт организовал серию дискуссий с целью консолидации международного сотрудничества и выработки документов для Лиги Наций по «моральному разоружению» и с целью укрепления духовных основ международного сообщества⁸.

С конца 20-х гг. были предприняты усилия по подготовке всеобъемлющего международно-правового документа по «моральному разоружению». Они воплотились в меморандуме польского правительства от 17 сентября 1931 г. Он исходил из того, что «моральное разоружение» должно стать государственной

⁸ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1934. N 36. P. 671–673.

политикой, для чего необходимо привести законодательство в соответствие с интересами международного сообщества. Предлагалось включить в уголовные кодексы статьи «Об охране мира и международной солидарности от преступной деятельности отдельных лиц или групп», о наказании лиц, публикующих «фальшивки и тенденциозные сведения о международном положении», а также «об охране молодежи от всего, что может возбудить ненависть к иностранной нации»⁹. По поручению Совета Лиги КМИК создала комитет экспертов, который подготовил к концу 1931 г. специальный доклад, исходивший из польских предложений¹⁰. На его основе подкомиссия конференции по разоружению в Женеве в марте 1932 г. разработала проект Конвенции по «моральному разоружению». Документ составлялся с участием представителей 19 стран, включая Великобританию, Германию, Китай, США, СССР и Францию. В ходе дискуссии были отвергнуты советские предложения о том, чтобы дополнить конвенцию статьями о реальном разоружении¹¹. Проект конвенции был принят комитетом по разоружению в ноябре 1933 г. Он дополнялся англо-американскими предложениями о международном сотрудничестве в воспитании молодежи в пацифистском духе. Конвенция не была подписана членами Лиги Наций¹².

В октябре 1933 г. в Парижском институте состоялся Конгресс по проблемам так называемого будущего европейского разума. Он был организован комитетом литературы и искусства под председательством П. Валери и завершился созданием «Общества европейских исследований»¹³. Дискуссии проходили летом 1936 г. в Будапеште и в марте 1937 г. в Ницце. По итогам был опубликован отчет под заголовком «Формирование современного человека»¹⁴. Документ исходил из того, что новая эра сможет наступить тогда, когда в человеке как унитарной (целостной) личности будут сочетаться необходимые качества, когда он осознает необходимость единства технического и гуманитарного прогресса. Дискуссия завершилась пессимистическим выводом о том, что подобное сочетание в современной Европе можно встретить лишь в интеллектуальной среде. Результаты дискуссии показали, что между двумя мировыми войнами не удалось выработать универсальной пацифистской доктрины. Неизбежным следствием этого явилось глубокое разочарование в международном сотрудничестве,

⁹ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 125.

¹⁰ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1931. N 11–12. P. 587; № 13. P. 193.

¹¹ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1932. N 15. P. 70.

¹² Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1936. Вып. 10. С. 138–139.

¹³ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1933. N 33–35. P. 658–659.

¹⁴ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1938. N 92–94. P. 95–98.

пессимистические настроения относительно перспектив мирного будущего, рост культурной автаркии, отчуждение, возникшее между представителями мировых культур. В общественном плане движение пацифистов содействовало формированию антимилитаристских настроений мировой интеллектуальной элиты. Однако идея «морального разоружения» не смогла приобрести решающего значения в сфере межгосударственных отношений, ибо в своей основе не затрагивала истинных причин возникновения мировых войн.

Большие надежды «Лига умов» возлагала на разработку экспертами практических рекомендаций по важнейшим проблемам мирового развития. Эта деятельность осуществлялась в рамках Международной школы социальных и политических наук, функционировавшей при КМИК с 1928 г. В ее работе принимали участие более тридцати национальных комитетов и международных организаций, включавших Гаагскую академию международного права, Институт тихоокеанских исследований в Гонулулу, Университетский институт высших международных курсов, Бюро международного обучения Европейского центра фонда Карнеги и др.¹⁵ Одним из направлений работы ежегодных конференций, организуемых Парижским институтом, явилось обсуждение проблем международных отношений, возникавших перед Лигой Наций. Предполагалась выработка на научной основе рекомендаций для секретариата Лиги по подготовке международных документов и резолюций этой организации. Так, по поручению Ассамблеи значительное внимание было уделено анализу различных аспектов создания системы коллективной безопасности. Проблема обсуждалась в рамках ежегодных конференций Международной школы. Работа в этом направлении началась на VII конференции в 1934 г. в Париже. Одновременно был создан исполнительный комитет конференции по коллективной безопасности и принята программа, отдельные разделы которой прорабатывались 14 национальными и 5 международными комитетами. Проблема рассматривалась с точки зрения разрешения вопросов демографических, сырьевых, экономических, социальных, колониальных и европейских региональных противоречий¹⁶. Конференции по проблемам коллективной безопасности прошли в 1935 и 1937 гг. в Лондоне, в 1936 г. — в Мадриде. Своеобразие обсуждения заключалось в том, что основное внимание на них уделялось не путям создания системы, которая предотвратила бы войну в Европе, а трудностям ее реализации.

Участники конференции рассматривали стремление к внешней экспансии как естественное проявление природы человека и природы наций. Исходя из этого они признавали за государствами как право на самооборону, так и право на экспансию, которые являются выражением инстинкта. Тем самым эксперты Парижского института вольно или невольно оправдывали агрессию,

¹⁵ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale. 1932. N 25–26. P. 124; 1933. N 31. P. 347; 1934. N 36. P. 673.

¹⁶ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale. 1934. N 37. P. 3; 1935. N 47–48. P. 533–534.

переноса биологические законы на общественное развитие, низводя жизнедеятельность человеческого общества до уровня инстинкта.

Исходной причиной войны в политических отношениях объявлялся государственный суверенитет и его главенствующее положение в структуре международных отношений. Право народов самостоятельно решать проблемы внутреннего развития, требования суверенного равенства государств рассматривались не как демократические принципы, а как чуть ли ни проявления первобытных инстинктов, побуждающих государства в международных отношениях из соображений престижа отказываться от необходимых компромиссов на международной арене. При этом вне контекста анализа оставалось то, что в государственном суверенитете воплощены в наиболее синтезированном виде права граждан, их политические, социальные и экономические интересы, что приоритетное значение государственного суверенитета в международном праве определяется необходимостью считаться с этими правами народов независимо от мощи того или иного государства, в противном случае международное право может превратиться в право сильного диктовать волю слабому, в право разбоя на международной арене и в право добиваться желаемого от других народов с помощью военной силы.

Понимая уязвимость такого подхода, эксперты стремились подкрепить свою аргументацию ссылкой на объективность экономических законов. Интернационализацию экономической жизни они рассматривали в качестве основы экспансионизма и базы для будущей войны. Из поля зрения экспертов выпадала важнейшая причина конфликта: стремление за счет эксплуатации чужих ресурсов обеспечить себе максимальную прибыль и процветание. Таким образом, эксперты, ссылаясь на объективный характер экспансии, не могли определить субъективный характер причин агрессии. Они лишь с недоумением констатировали, что несмотря на имеющиеся возможности современное им общество не может разрешить данную проблему. По мнению экспертов, политические причины, вызывающие стремление государств к изменению международного статус-кво (стремление государств повысить свой статус в иерархии государств или руководствующихся во внешней политике концепцией, исходящей из исторической миссии страны в человеческой цивилизации), присущи только США¹⁷.

Проблема международной безопасности была переведена в плоскость неверной дилеммы: объективным процессам экспансии якобы противостоит субъективный политический фактор — нежелание народов подчиняться более сильным или найти разумный компромисс с возможным агрессором. Пытаясь найти альтернативу войне, эксперты обращались к аналогии с внутривнутриполитической системой государств, в которой конфликты разрешаются государственной властью, опирающейся на правовые нормы. Поэтому договор о коллективной безопасности рассматривался как правовая норма, позволяющая изменить

¹⁷ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuelle. 1937. N 80–81. P. 372–374.

статус-кво в международных делах. Предполагалось, что такая норма заставит возможную жертву подчиниться «коллективному» диктату великих держав¹⁸. Возникла система коллективной безопасности, как бы не допускающая агрессии и добивающаяся целей без военных действий за счет угрозы ее применить. Более явно продемонстрировать интеллектуальный кризис, поразивший Лигу Наций, было просто невозможно.

Глубокое разочарование в интеллектуальной среде вызвали неудачное осуществление политики невмешательства в испанские события и умиротворение Германии в связи с чехословацкой проблемой. Интеллектуальная активность всё больше скатывалась в сферу политических страстей. Отчасти этот процесс был вызван стремлением политиков направить интеллектуальное сотрудничество в выгодном для них направлении, разрушая тем самым созидательный потенциал международного сотрудничества. В КМИК происходит ротация руководителей. Ее возглавляют политически ангажированные представители профессуры. Во второй половине 30-х гг. иссякает источник новых идей, но активно идет процесс приспособления концепций «всемирной пацификации» к нуждам текущей политики. Это разрушило комиссию как международную организацию интеллектуалов. Во второй половине 30-х гг. в усеченном виде идеи «морального разоружения» были использованы для обоснования бесперспективной политики «умиротворения Гитлера». В конечном итоге надежда на предотвращение войны уступила место иллюзорному представлению о том, что можно каким-либо образом спасти собственную страну от военного конфликта. Такая позиция вела к утрате политической воли и инициативы в борьбе за мир. На этом фоне выросли усилились автаркии, ослаб интерес к международному сотрудничеству.

В середине 30-х гг. образовалась Международная ассоциация писателей в защиту мира и культуры. С инициативой ее создания выступили А. Барбюс, Ж.-Р. Блок, М. Горький, Р. Роллан и А. Мальро. Идея была поддержана Г. Манном и Л. Фейхтвангером, О. Хаксли, К. Чапеком и др. Первый конгресс писателей состоялся летом 1935 г. в Париже, где были представлены 38 стран. Наиболее многочисленной была немецкая делегация¹⁹. В ходе дискуссии утверждалось, что современная западная цивилизация переживает глубокий кризис. Западные демократии неспособны разрешить социальные конфликты и обеспечить культурное развитие населения, поэтому ситуация чревата опасностью фашизма и войны. Конгресс довел до сведения международной общественности информацию о преступлениях нацистов против культуры и их угрозе для человеческой цивилизации. В центре дискуссий на конгрессе оказалась проблема роли СССР в антивоенной борьбе. Высказывались суждения

¹⁸ Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale. 1937. N 80–81. P. 374.

¹⁹ Рихтер Т. К истории Союза пролетарско-революционных писателей Германии // Литературное наследие. М., 1989. Т. 81. С. 100.

о том, что сталинское руководство предало идеалы революции, что в условиях бюрократизации сформировался новый эксплуататорский слой чиновников, в стране отсутствует свобода слова и творчества. Выступавшие задавались вопросом: смогут ли деятели культуры в своей борьбе против фашизма и войны опереться на растущую мощь СССР. Другие отмечали безусловный экономический, социальный и культурный прогресс СССР. Хотя в ходе обсуждения не удалось выработать единой точки зрения на характер советского общества, СССР был признан одной из ведущих сил антифашистской борьбы²⁰.

Конгресс принял решение об объединении писательских сил в борьбе против фашизма и угрозы войны в международную ассоциацию. Среди членов президиума ассоциации были А. Барбюс и Р. Роллан (Франция), М. Горький (СССР), Г. Манн и Т. Манн (Германия), С. Льюис (США), Э. Форстер и О. Хаксли (Великобритания), В. Инклан (Испания), С. Лагерлёф (Скандинавия). В состав бюро и секретариата ассоциации входили такие известные деятели литературы, как Л. Арагон, Ж.-Р. Блок, Т. Драйзер, М. Андерсен-Нексе, Л. Фейхтвангер, М. Шолохов, Б. Пастернак, И. Эренбург и др.²¹

Французская, немецкая и американская секции Международной ассоциации были в изучаемые годы наиболее влиятельными организациями среди антифашистски настроенных кругов. В других же странах секции оказались менее значимыми в общественном плане либо не были созданы вовсе.

В 1937 г. в Испании был созван II Международный конгресс писателей под девизом «Культура в опасности»²². Участники Конгресса посещали боевые позиции, выступали перед бойцами, крестьянами. Конгресс превратился в манифестацию солидарности с борьбой Испанской республики. По мнению участников Конгресса, в западных странах пресса, ссылаясь на условия гражданской войны, пыталась замалчивать работу Конгресса, поэтому проведение заключительного заседания перенесли в Париж.

В июле 1938 г. состоялась чрезвычайная конференция Международной ассоциации писателей, которая призвала оказать поддержку народам Китая, Испании и Чехословакии, подвергшимся агрессии или ее угрозе. Было решено популяризировать национальную культуру стран — жертв агрессии и организовать материальную помощь писателям, ученым, художникам и детям республиканской Испании и Китая. Делегаты конференции осудили политику фашизма, направленную на уничтожение культуры других народов, на подавление свободы творчества в собственной стране. Решения конференции предусматривали популяризацию культурных ценностей всех времен и народов, отвергаемых фашизмом. Конференция предложила членам ассоциации

²⁰ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж. Июнь 1935 г. М., 1936. С. 3–490.

²¹ Там же. С. 485–486.

²² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 11. Д. 198. Л. 2; Д. 308. Л. 60, 68, 70.

обеспечить прибежище писателям, ученым и художникам, которых фашизм и иностранная агрессия изгоняли с родины²³.

Большие надежды возлагались общественностью на трехсторонние переговоры в Москве в 1939 г., однако их неудача вызвала глубокий кризис в Международной ассоциации писателей. Разразившаяся война привела к прекращению деятельности этой международной организации, но многие ее члены продолжали свою благородную борьбу, став в дальнейшем активными участниками Сопротивления.

Международная ассоциация писателей объединила демократических и революционных писателей всех стран в борьбе против фашизма и готовившейся им мировой войны. В рамках объединения окрепли международные связи писателей, была продемонстрирована воля к сотрудничеству в борьбе за мир. Цели и задачи Международной ассоциации привлекли к активной общественной деятельности многих литераторов, к мнению которых прислушивались широкие слои населения и политические деятели. Члены ассоциации многое сделали для консолидации антивоенных и антифашистских сил в своих странах. На международной арене писательская ассоциация стремилась найти политическую опору, созвучную своим целям, формируя общественное мнение, она влияла на политику государств, с тем чтобы они активнее боролись против фашистской агрессии, вырабатывая альтернативные фашизму решения острых социальных и национальных проблем. Подавляющая часть членов ассоциации была убеждена в неспособности западных демократий преодолеть угрозу мировой войны и уничтожить фашизм. Поэтому основное внимание писатели уделяли формированию общественного мнения в пользу создания антифашистской коалиции государств.

СССР представлялся им решающим компонентом возможного антивоенного сотрудничества. Однако противоречивые тенденции в СССР рождали сомнения. К тому же внешняя политика западных демократий склонялась к попыткам перенаправить агрессию Гитлера на Восток и ни в коем случае не вступать в союз с СССР. Авторитет писательской ассоциации, ее огромный потенциал в формировании мирового общественного мнения не был реализован. Сопротивление росту военной угрозы оказалось неэффективным, ибо не повлекло за собой сотрудничества на межгосударственном уровне.

Таким образом, в центре внимания международного культурного сотрудничества оказались основные проблемы политического, экономического и социального развития общества. На этом фоне всё более отчетливо стало проявляться отставание гуманитарного развития человеческой цивилизации. Человеческий разум смог выявить противоречия жизни, но не научился их синтезировать, создавая гармонию. Это предопределило отсутствие устойчивых гуманистических тенденций в развитии человеческой цивилизации.

²³ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 11. Д. 298. Л. 79.

References

- Kafka F.* Prevrascenie // Inostrannaja literatura. 1983. № 5.
- Langeven L.* Franzuskaja intelligenzija i Oktjbrskaja revolutija // Franzuski ezhegodnik. 1967. M., 1968.
- Mann T.* Sobranie sochineniy: V 10 t. M., 1960. T. 9.
- Mezhdunarodniy congress pisateley v zaschitu culturi. Paris. Iuni 1935 j. M., 1936.
- Rihter T.* K istorii Soyuza proletarsko-revolutionnih pisateley Germanii // Literaturnoe nasledie. M., 1989. T. 81.
- Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoi politike i mezhdunarodnomu pravu. M., 1936. Vip. 10.
- Frans A.* Sobranie sochineniy: V 8 t. M., 1960. T. 8.
- Heminguei E.* Stariy gazetchik pishet. M., 1983.
- Bulletin de la Cooperation Internationale. Institut Internationale de Cooperation Intellectuale.
- Dommaget M.* Histoire du Premier mai. Paris, 1953.
- La Cooperation Internationale. Lection et Information. Genève, 1937.
- Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München, 1923.